

Владимир
ЧЕРНЯВСКИЙ

г. Москва

ХОЗЯИН ТРАВЫ

рассказ

— Что значит твое имя?! — Алексей напруг связки, перекрикивая вибрирующий стрекот газонокосилки. Докричаться с веранды до середины лужайки оказалось непоросто: как-никак десять соток. Для верности Алексей привстал с кресла и помахал рукой.

Таджик, толкающий гремящий аппарат, наконец заметил его. Брови на смуглом лице приподнялись, губы растянулись в улыбке. Он сбросил сцепление, снял перчатки и неспешно подошел к веранде.

— Что значит твое имя? — хрипло повторил Алексей. — Как переводится «сардо»? — В тишине голос его прозвучал неожиданно громко.

— Сардо, — таджик поправил сползшую лямку комбинезона, — значит «хозяин».

— Хозяин? — Алексей безмолвно шевелил губами, будто жевал. — Выходит, родители назвали тебя хозяином, а жизнь сделала слугой... — усмехнулся он, но тут же спохватился и стер с лица усмешку. — Извини... — Он покачал головой. — Не отвлекаю.

Не переставая улыбаться, Сардо развернулся и пошел к газонокосилке. Взялся за рычаги, выжал сцепление, и машинка снова надрывно взревела. Алексей хмуро наблюдал за ним, коря себя за сорвавшуюся с языка глупость. В конечном итоге все относительно, и сам он когда-то служил и прислуживал.

Сардо постучался в дачную калитку сегодня ранним утром. Алексей маялся бессонницей и ходил по двору, не зная, чем себя занять. Еще и желудок разболелся, да так, что не прилечь. Алексей морщился, вслушиваясь в сбивчивую речь таджика про «все умею» и «нужна работа». Хотел было отмахнуться от незваного гостя, но обвел взглядом заросшую бурьяном лужайку, крикнул и побрел пересчитывать остаток пенсии, спрятанной в ящике письменного стола под газетами.

Сардо оказался проворным малым. Вытащил из сарая старую газонокосилку и за полдня перебрал ее. Попросил денег съездить на рынок за новым стартером и керосином. Алексей дал пять тысяч, предварительно «шелкнув» на телефон паспорт таджика, так и узнал его имя. Прописка у того оказалась в деревне Ивановское — в десяти кило-

метрах от дачного поселка, за железнодорожной станцией.

Фото паспорта, конечно, не спасало от потери денег, но хоть что-то. Отобрать документ Алексеев постеснялся. Через пару часов Сардо вернулся с новым стартером, завернутым в промасленную бумагу, и трехлитровой банкой керосина. Отдал чеки и сдачу до копейки.

Алексеев доедал ужин, когда во дворе затахтел мотор, запахло жженым керосином, и участок начал избавляться от выросшей за лето щетины из полуметровой осоки, лопухов и белых островов из гигантских одуванчиков. Алексеев вытащил на веранду пыльное кресло, тяжело опустился в его кожаное нутро и откупорил бутылку крымского кагора — подарок на шестидесятилетие. Расслабился, отхлебывая из бокала сладкий напиток, прислушиваясь время от времени к себе: не заболит ли где?

Августовский вечер окутывал теплым ветерком. Над верандой тек вязкий аромат свежего травяного сока. Будто снова детство и сенокос. Отец с дедом сгребают скошенную траву. Алексеев прикрыл отяжелевшие веки и в который раз удивился метаморфозам памяти. Детские воспоминания кажутся близкими, а недавнее — будто в тумане. Вроде только вчера на выпускном курил в школьном туалете, а сегодня уже старик на пенсии по инвалидности. Жизнь пронеслась скоростным поездом мимо перрона, а ты остался стоять на пустой платформе, зажав в руке просроченный билет.

В небе хрипло прокричала ворона, отвлекая от вязких, словно деготь, мыслей. Солнце висело над горизонтом, по земле ползли длинные тени. В серой дымке на дальнем конце участка Сардо неспешно толкал стрекочущую машинку. Алексеев поехал, предчувствуя приближение ночного холода. Пустая бутылка выпала из руки и загрохотала по половицам. Алексеев, кряхтя, поднялся и чуть не упал: ноги ослабли, в висках стучали беспокойные молоточки. Пришлось опереться на стену и по шажочку двигаться в дом. В спальне Алексеев рухнул ничком на постель. Промятый матрас принял его, словно тряпина. Газонокосилка глухо, еле слышно тархтела, будто под водой, но вскоре стихла, унесенная течением.

Болотная тина тянула вниз, все глубже в речной ил, в черный туман, в гул голосов, свистки тепловозов, запахи соляры и жженого угля. Вокруг ожили декорации Киевского вокзала. Алексеев уже в гуще людского потока, опаздывает на поезд и не может найти чемодан. Мечется в толпе, то и дело натываясь на знакомых и сослуживцев, но они его не замечают, отделенные невидимой стеной. Многие давно умерли, а тут — живые и веселые. Курят, непрерывно переговариваются, предвкушая скорое отправление.

Из сонной мути вырвал плач дочери. Алексеев с трудом поднялся и, слепо вглядываясь в темноту, побрел к детской кроватке. Руки дрожали, сердце бухало, качая загустевшую кровь. Он тряхнул головой, пытаясь разогнать чугунную тяжесть в висках.

— Ш-ш-ш... — пошарил вокруг себя и засмыл, поняв, что комната пуста. Вязкая тьма и тишина, ни звука. Семья, детский плач, пеленки и разбросанные по полу игрушки — все осталось в прежней жизни. Дочь выросла, жена умерла. Теперь он — стареющий пенсионер, застрявший в дачном особняке в пятидесяти километрах от МКАД.

На улице гулко залаяла соседская собака, вдалеке, на станции, ритмично стучал по стыкам поезд, будто билось сердце стального великана. Алексеев не думал, что смерть жены так его подкосит. Рак — странная штука: сбивается программа и организм пожирает сам себя, послушавшись изначального Слова, давшего если не бессмертие, то здоровье до преклонных лет. В итоге хирург оттяпывает половину желудка. Облучения и химиотерапия сажают селезенку и печень. «Медикаментозное дожитие», — так Алексеев определял свое нынешнее существование. Пей таблетки по расписанию и, может, протянешь еще сколько-нибудь.

Ноги понесли на кухню за снотворным. Если не выпить, промаешься бессонницей до утра. Полупустой пузырек поблескивал за дверцей серванта. Алексеев открутил крышку, стряхнул прямо на язык горькие капли и двинулся обратно в спальню, предвкушая наступление долгожданного небытия. Оно не заставило себя ждать — навалилось и прижало, будто могильной плитой.

Утро началось с головной боли. Свет пробивался в спальню сквозь щели в шторах. В косых бледных лучах искрилась беспокойная пыль. Алексеев поднялся с кровати, в сумраке добрал до пластиковой бутылки с водой и долго жадно пил. Пролил на футболку, чертыхаясь, прошел в коридор, толкнул входную дверь и сощурился от яркого света.

Жаркое солнце поднялось над крышами дачных домов. В листве яблони, растущей у веранды, кричали воробьи. В центре участка Сардо сгребал скошенную траву. Набрался стожок выше человеческого роста. Таджик работал размеренно, без остановок, как заведенный. Алексеев вздохнул. Ни утомления, ни старческих болячек. Когда-то и он калымил без устали. В начале девяностых приехал в Москву из сибирского Ачинска. Трудился по шестнадцать часов в день семь дней в неделю. Ночевал на стульях у монитора, составляя новостные сводки, обзоры рынков, строча предвыборные речи для будущих губернаторов, мэров и депутатов — все ради того, чтобы «зацепиться», купить жилье. Получилось. Как обустроился, перевез в столицу жену с дочкой.

Теперь времена изменились. Москва заполнена гастарбайтерами из южных республик, обитателями степей, сменивших живых коней на железных. Дворники, сантехники, курьеры, строители, таксисты... куда ни взгляни, всюду смуглые лица и непонятная напевно-гортанная речь. Женщины в хиджабах на детских площадках выгуливают отпрысков новоиспеченных россиян. Неприхотливых, полных энергии, желания жить и размножаться.

— Есть у тебя дети? — спросил Алексеев у Сардо, когда тот подошел ближе к веранде.

Таджик сдвинул брови, осмысливая вопрос.

— Трое, — наконец кивнул он и поднял вверх три пальца. — Девочка и два мальчика.

— Здесь живут?

— Да, да! — кивнул Сардо. — У брата живем. — Он махнул рукой в сторону Ивановского.

Последний раз Алексеев бывал в Ивановском три года назад. От некогда богатого совхоза осталась улица домов на семь. Остальное сгнило без хозяина и заросло травой. Он явственно представил покосившуюся дере-

вянную развалюху, отданную таджикам за бесценок, душную комнату, полную женщин и детей в пестрой одежде. Среди смуглых мордашек ему привиделась белокурая девочка в синем платьице и с тряпичной куклой в руках. Анюта, дочка. В последнее время она не выходила у Алексеева из головы. Являлась ему совсем маленькой, лет пяти, с пухлыми щечками и вьющимися светлыми волосами. Только научилась сносно разговаривать и тараторила без умолку. «А что это? А что там?» — тыкала пальчиком в магазинные вывески и витрины, газетные заголовки и книжные иллюстрации. Приходилось терпеливо объяснять, подкидывая в топку детского любопытства новые слова и термины.

Общение с дочерью радовало. Казалось, мнешь податливую глину, превращая ее в прекрасный цветок. Потом появились и другие скульпторы, лепящие формы по своему вкусу, и радость ушла. Вот Анне уже тридцать. Школа. Выпускной. После университета выскочила замуж за немца, перебралась в Берлин, а потом и вовсе в Штаты. Последний раз приезжала десять лет назад — на похороны матери. Худая, верткая, словно норка-зверек... и чужая. Все недовольно морщилась, мол, это не так и это не то... Учила отца жизни, но Алексеев взбрыкнул и рыкнул на нее. Сразу пожалел, но поздно. С тех пор дочь лишь изредка по праздникам отправляла ему однотипные поздравления, похожие на тычки палкой: «Жив еще?» В остальное время — молчание, глухое, как бетонная стена.

Алексеев кивнул Сардо, чтобы тот продолжал работу, развернулся и зашаркал обратно в дом. В желудке растекалась тупая боль. Если вовремя не поесть и не выпить таблетки, можно и приступ схватить. Майся потом в общей больничной палате с такими же неприкаянными стариками — худыми, бледными и небритыми, похожими на близнецов, вылезших из единой материнской утробы.

«Жизнь всех приводит к одному знаменателю, — подумал Алексеев, заходя на кухню. — Вынимает, как игрушки из коробки. Потешится властью и пакует обратно». Он достал из холодильника кастрюлю со вчерашней рисовой кашей. Вывалил в тарелку, поставил ее в

микроволновку. Лязгнул поставленный на плиту чайник. В нем тут же беспокойно зашумела вода, будто загомонили десятки голосов. О чем — не разобрать.

Алексеев ел механически, словно проделывал необходимую рутинную работу. Зачерпывал кашу и отправлял в рот, старательно жевал. Теплая волна спустилась по животу вниз, успокаивая боль. На лбу выступила испарина. За окном поскрипывало колесо тележки — Сардо вывозил скошенную траву на пустырь за дачным поселком. Алексеев представил трясущуюся на ухабах кучу из пожухлых стеблей. Исполнили свою роль, и вот теперь Хозяин везет их туда, где им самое место. Гнить и питать новую жизнь. «С людьми так же», — подумал Алексеев. В юности ему казалось, что он никогда не состарится. Вопреки очевидности, он не мог представить, что тело изменит ему, потеряет силу, одряхлеет. Человек меняется незаметно так же, как растет трава. Алексеев понял это слишком поздно, когда в зеркале вместо бодрого самодовольного лица появилась чужая обрюзгшая морда.

— Готово! — стукнул в окно Сардо.

Алексеев закинул в рот горсть таблеток, запил водой и вышел во двор. Расплатился с Сардо двумя новенькими купюрами. В ответ тот протянул клочок мятой бумаги с неровными цифрами телефонного номера. От таджика разлило терпким запахом пота, но он не казался уставшим. Алексеев поморщился. Внутри всколыхнулось нечто похожее на зависть.

Проводив работника, Алексеев осмотрел похорошевший участок. Не удержался, снял шлепанцы и босиком прошелся по стерне, наслаждаясь мягким покалыванием и прохладой. Десятилетие назад он любил по утрам ходить босиком по влажной от росы траве. Попрыгать, помахать руками, разгоняя кровь. Забраться под контрастный душ и, помывшись, растереться до красноты махровым полотенцем. Хотел построить русскую баню, но руки не дошли — обстоятельства и времена изменились.

В дальнем углу, возле одичавшего куста малины, Алексеев остановился и взглянул на дом. Радость тут же улетучилась. Благородно-бордовая краска на стенах некогда доброт-

ного двухэтажного особняка выгорела и облупилась. Особенно безобразно выглядел цоколь. Бесформенные клочья штукатурки висели струпьями. Вьюн оккупировал полстены, дотянувшись до покрытой мхом черепицы.

За забором, на соседском участке, взвизгнула и натужно завывала циркулярка. Завоняло жженым деревом. Алексеев почесал заросшую щетиной щеку. Когда-то он вложил в этот особняк часть себя. Сам заливал фундамент, колесил по Подмосковию, доставая брус, доски, опалубку, ревниво следил за барыгами-строителями. Хотел, чтобы семья перебралась на природу, подальше от шума и суеты мегаполиса. Представлял, как на лужайке резвятся внуки-погодки, мальчик и девочка, потом их дети... Этакое родовое гнездо — счастливое место, где всегда тепло и уютно. Осколок вечности среди бушующей мировой энтропии.

Алексеев достал из серванта паспорт, переоделся в чистые штаны и рубашу, проверил в кармане проездной. Перед зеркалом попробовал пригладить торчащие после сна волосы — не получилось. Мочить поленился. Зато в очередной раз отметил, кроме общей обрюзглости, свое сходство с отцом: пухлый нос, глаза чуть навывкате, красные прожилки в них. Отец ушел из семьи, когда Алексееву исполнилось десять. После виделись редко, урывками, и каждый раз натянuto, с неловкостью. Известие о смерти родителя пришло в армию. С тех пор минуло более полувека, память об отце поистрепалась, превратившись в рваные лоскуты. Теплые мягкие ладони, терпкий запах одеколона, смешанный с перегаром, выбритая до синевы кожа, раскатистый смех, оброненные невзначай слова и фразы... Не так уж и много, но с годами Алексеев ловил себя на том, что копирует отцовские жесты и мимику: закушенная губа, поднятые брови, взмах руки... Казалось, тот прорастал сквозь сына, запоздало обретая потомка. Алексеев же не мог ни в ком прорасти. Наследника сделать они с женой не успели, а дочь принципиально не заводила детей — наслаждалась жизнью и занималась карьерой.

Скрипнула под рукою калитка. Алексеев навесил замок и побрел по краю проселочной

дороги. Солнце выкатилось в зенит и остервенело жарило землю. Душный воздух отяжелел и замер. До одури пахло черемухой. Деревья, покрытые россыпями белых цветов, высились вдоль дачных заборов. За ними виднелись особняки — богатые двух-трехэтажные дома, окруженные стриженными газонами и цветниками. Кое-где торчали строительные леса, слышался визг пил и стук молотков. Многие этим летом строились, обновляли кровлю, расширяли площадь. Денег не жалели. «Ничего, будет и на нашей улице праздник!» — осклабился Алексеев.

Он пожалел, что не захватил кепку — до автобуса идти полкилометра. В духоте, под палящим солнцем каждый шаг давался с трудом, как при ходьбе под водой. Алексеев с облегчением нырнул в тень бетонного козырька остановки, пытаясь отдышаться и унять колотящееся сердце. Благо, из-за поворота уже появился автобус — новая модель с кондиционером в салоне.

Через двадцать минут Алексеев вышел возле отделения банка в райцентре.

— Точно хотите закрыть вклад? — изобразил заинтересованность банковский менеджер. — Скоро начисление процентов. Потеряете.

— Черт с ними! — буркнул Алексеев. Сгрел со стола выданный жетон и направился к кассе.

Зашуршала счетная машинка. Кассирша, худая девушка лет двадцати, кинула в лоток тугую пачку красных пятитысячных. Алексеев, не пересчитывая, сунул ее в карман брюк. Когда-то на его счете хранилась приличная сумма, местным лет пять зарабатывать, но со временем деньги проелись, а большая часть ушла на лекарства и врачей.

Обратно добирался на такси. Плюхнулся на заднее сиденье, достал мобильник и натыкал номер с бумажки Сардо.

— Да? — Таджик ответил после первого же гудка, будто держал палец у кнопки.

— Приходи, цоколь будем ремонтировать, — выдохнул Алексеев в трубку.

Он попросил таксиста свернуть на строительный рынок. Заплатил вперед, чтобы водила ждал, и зашагал вдоль павильонов, высматривая грунтовку, штукатурку и краску.

Продавцы, сплошь южане, учуяв его инте-

рес, принялись наперебой зазывать к себе.

— Эй, эй! Дешевле не найдешь! — доносилось из открытых дверей. — Без наценки отдаю.

Алексеев знал нехитрый местный маркетинг. Рынок появился два десятилетия назад. Начинался с простых поддонов и кривеньких ларьков, обитых жестяными листами. Со временем металлические прилавки сменились модными павильонами из ПВХ с дизайнерскими вывесками, но суть осталась прежней. Продавцы — кто вырос, а кто и состарился вместе с рынком.

— Дорого! — В Алексееве неожиданно проснулся былой азарт, будто щелкнул тумблер и по забытым электрическим цепям побежал ток. — Давай скидку! Я десять банок возьму, — принялся торговаться.

Спустя час довольный Алексеев плюхнулся на сиденье такси, урвав от цены пятнадцать процентов и бесплатную доставку. Кровь шумела в висках. Он чувствовал себя живым и сильным. Все в его власти, и все возможно.

В тесном салоне не сиделось. Тело зудело, требуя движения и работы. Алексеев еле вытерпел обратную дорогу. Выскочил из машины, как только водитель затормозил.

Следом за такси приехала «газель» со строительными материалами.

— Забирай! — Чернявый подросток в грязной строительной робе откинул тент с торца кузова.

Внутри поблескивали металлические банки с краской, лежали в ряд увесистые мешки сухой штукатурки, грунтовок и шпаклевки, объемный пакет с валиками, кистями и шпателями.

— Договаривались с выгрузкой, — нахмурился Алексеев.

— До ворот сказано, — буркнул подросток и отвернулся, пряча глаза. Видно, ждал дополнительной мзды.

— Ну и хрен с тобой! — Алексеев махнул рукой, чувствуя, как в груди поднимается злость, и тут же обрадовался ей. Давно он не испытывал подобных эмоций. Словно крутанули вентиль и в застоявшиеся трубы подали давление на полную мощность — так, чтобы загудело, завывало, затрясло.

Алексеев схватил ближайший мешок, взва-

лил на плечо и потащил во двор. Скинул за воротами, без передышки вернулся за следующим, потом еще за одним и еще... Усталость накрыла на банках с краской. Пот обильно потек по спине, ноги и руки ослабли. Алексеев сжал зубы и напрягся, лишь бы не подать виду. Чернявый юнец прислонился к кузову и тыкал пальцем в экран мобильного. Алексеев выгрузил банки, схватил мешок с инструментами и, не оборачиваясь, захлопнул за собой калитку. На трясущихся ногах добрал до веранды и упал в кресло. Тело дрожало как в лихорадке, во рту пересохло, но сил, чтобы подняться и сходить за водой, не осталось.

Через час Алексеев более или менее пришел в себя и смог добраться до кухни. В животе привычно зануло, потом кольнуло, словно внутри повернулся с боку на бок еж. Алексеев чертыхнулся — давно такого не случалось. Он вытащил из холодильника кастрюлю с остатками риса и, не разогревая, доел. Заглотил таблетки, но боль не спешила уходить. Мучила еще часа два, то затихая, то появляясь снова.

Мышцы на руках и спине ныли. Азарт поиссяк, но Алексеев не собирался сдаваться. Вышел во двор, вытащил из мешка шпатель и принялся по низу цоколя отшелушивать штукатурку. Старательно скреб, ожидая, когда в голове снова застучит кровь и тело запросит работы.

Запала хватило минут на двадцать. Алексеев устало прислонился к стене, обозревая расчищенный квадрат сантиметров сорок по диагонали, и усмехнулся. Такими темпами он и за месяц не справится. Благо в калитке появился Сардо.

Таджик принес с собой использованные валики, мол, зачем новые портить, когда эти можно добить. Он переоделся в засаленный комбинезон и принялся за цоколь. Неторопливо, без лишней суеты, как марафонец, считающий силы на длительный забег.

Алексеев повеселел: дело движется. Он поймал себя на том, что рад приходу Сардо. Появление таджика прервало полосу одиночества последних месяцев, если не лет, тоскливое внутреннее оукливание в стенах дома. Алексеев перетаскил кресло на середину газона и

вкопал рядом зонт от солнца. Под него поставил журнальный столик. Наболтал в графине морса из вишневого варенья и устроился в своем новом наблюдательном пункте.

Сардо работал сосредоточенно, лишь временами припадая к полуторалитровой бутылке с водой. Под его руками дом избавлялся от штукатурки, словно сбрасывал старую кожу, обнажая пеноблочный скелет. Алексеев представил себе подновленный цоколь и подумал, что и самому не помешало бы начать новую жизнь.

Он шлепнул ладонями по подлокотникам, бодро поднялся и зашагал в дом. На кухне вытащил из морозилки кусок баранины и овощи. Мясо положил оттаивать в миску с горячей водой. Помидоры, кабачки и капусту нашинковал и высыпал тушиться в сковороду. Откопал в чулане мангал и кочергу.

Шашлык Алексеев готовил последний раз лет десять назад, еще до болезни, но руки помнили. Он водрузил мангал на камни возле веранды, разжег промасленные щепки, засыпал уголь, хранившийся невесть с каких времен в бумажном мешке в подсобке. Куски баранины насадил на шампуры. Древесный дым смешался с запахом жареного мяса, оживляя воспоминания о былых попойках с друзьями по праздникам и о тихих семейных вечерах с женой и дочерью. Там, в затерянном прошлом, Алексеев раздувал угли куском картона, жена, смахивая слезы, резала лук, Аня таскала в салат траву и листья смородины. Снимали с шампуров потемневшее, пахнущее дымом мясо. Тарелки быстро пустели, но радовала не столько еда, сколько совместное дружное действие, таинство слияния отдельных людей в одно целое.

У Алексеева защемило в груди, захотелось поймать то старое забытое настроение. Он не стал разгружать шампуры. Положил их на широкое блюдо и принес из кухни сковороду с тушеными овощами.

— Все, шабаш! — Алексеев махнул Сардо. — Давай к столу.

Таджик не возражал, умылся под поливочным шлангом и подсел к журнальному столику. Ел жадно. Жир тек по его смуглым рукам. Алексеев, улыбаясь, подал ему салфетки. Сам

он откусил кусок мяса, пожевал, высасывая сок, и украдкой выплюнул в траву. Желудок давно перестал справляться с тяжелой пищей. Пришлось налечь на тушеные овощи.

После еды Сардо вернулся к работе. Алексеев откинулся на спинку кресла. Подумал было сходить за вином, запасов хватало, но одернул себя. Хотелось оставаться трезвым. Просто сидеть и дышать свежим воздухом. Разве он не за этим перебрался за город? Благо, жара ушла. Солнце розовым шаром висело над деревьями. Дневной свет постепенно мерк, соседи включали уличные фонари.

— Сегодня все! — крикнул Сардо.

Он спрятал шпатель в мешок и принялся переодеваться. Алексеев завернул ему с собой остаток шашлыка.

Проводив таджика, Алексеев пошел в дом. Включил телевизор, пощелкал каналы и, не найдя ничего путного, забрался в постель, прихватив с книжного стеллажа томик с детективом советских времен. Лет пять не брал книг в руки, а тут потянуло погрузиться в чужую историю, может, как встарь, забыться и читать до утра. Бывало и такое. Потом весь день на работе держался на кофе, но о бессонной ночи не жалел.

Устроившись поудобнее, Алексеев раскрыл книгу, но, едва одолев первую страницу, ухнул в темный зев сна, будто выдернули вилку из розетки.

Разбудил его свист проходящей мимо станции первой электрички. На улице брезжил зыбкий утренний свет. Из раскрытой форточки тянуло холодом и запахом далекого костра. Алексеев откинул одеяло, вскочил и принялся приседать, наклоняться и махать руками, разогревая тело.

Вчерашняя боль в мышцах притихла, уступив место бодрости. Алексеев, фыркая, умылся холодной водой, растерся полотенцем и, насвистывая марш тореадора, зашагал на кухню.

С завтраком не стал мудрить. Сварил похожую на клейстер быструю овсянку.

— Зато полезно, — уговаривал он себя, глотая вязкую безвкусную массу.

Наскоро вымыл посуду, достал из подсобки лестницу и полез на чердак. Там в картонных

коробках хранились детские вещи. В свое время он подтрунивал над женой за нежелание избавиться от Анютиной одежды, из которой та выросла, от игрушек и книг, хотя знал — супруга втайне надеется, что они перейдут к сыну. Привычка к накопительству раздражала Алексеева: в детстве он донашивал за старшим братом и не видел в этом ничего хорошего. Тем более финансы позволяли покупать новое. Теперь он мысленно благодарил супругу за упертость. Память человеческая привязана к предметам. Достаточно коснуться старой вещи, и от руки к голове бежит невидимый разряд, оживляя забытое. Время от времени Алексеев забирался на чердак, открывал одну за другой коробки и погружался в воспоминания.

В этот раз он не стал задерживаться. Нашарил полиэтиленовый баул с игрушками, вытряхнул содержимое на пол и вытащил из кучи тряпичную куклу. Алексеев подарил ее Анюте на первый день рождения. Ничего особенного — заплетенные в косички рыжие волосы из канекалона, глаза-пуговицы, пестрый сарафан, но игрушка, как говорится, зашла. Дочь не выпускала ее из рук несколько лет. Спала с ней, таскала на прогулки, брала в детский сад. Потом охладела, перестав нуждаться в тряпичной подруге, и та отправилась в пакет со всеми остальными отставниками.

Когда пришел Сардо, Алексеев сидел на террасе с куклой на коленях.

— Отдай дочке, — протянул он игрушку таджику.

— Спасибо! — Тот принял куклу осторожно, будто живую.

— Давай сегодня наляжем. — Алексеев взял второй шпатель и решительно зашагал к стене дома.

Сил хватило на час работы. Руки внезапно ослабли, словно в них исчезли мышцы. Пальцы противно задрожали, в желудке неприятно засосало. Алексеев добрал до веранды и тяжело опустился на пол. «Вот так все и случится, — подумалось ему. — Уйдет жизнь из тела, и останется высохшая мумия».

Однако слабость понемногу прошла. Руки окрепли. Проклиная немощь, Алексеев прошаркал на кухню готовить обед. Мясо закон-

чилось, но в ящике буфета нашлась перловка, вполне подходящая для овощного плова. Алексеев поставил на плиту кастрюлю, нарезал салат, намешал морса из варенья.

Часа через два Алексеев снова пригласил Сардо за столик на лужайке. Разложил по тарелкам плов.

— Как ты в Подмоскovie очутился? — Алексеева потянуло на разговор. Он вдруг понял, что хочет узнать о своем работнике побольше.

— К брату приехал, — повел плечом Сардо.

— Давно?

— Десять лет.

Сардо принялся сбивчиво, с долгими паузами рассказывать свою первую поездку в Москву. Работал он с пятнадцати лет. Приехал следом за старшим братом. Промышляли они на стройках и ремонтом квартир. Сперва был на подхвате: то-се принеси, цемент намешай, но со временем научился красить, шпаклевать, плитку класть, электрику и сантехнику вести. За пять лет заработал для родных краев прилично, вернулся в Душанбе, женился. Помалялся год на родине, не выдержал, вернулся с женой в Москву. Спустил остатки денег на российский паспорт, наплодил детей.

— Москва жить хорошо, — продолжал Сардо, ослабившись. — Люди не злые.

Два года назад осел в Ивановском. Работа в округе всегда есть. Летом, кроме стройки, стричь траву, копать огороды, подрезать деревья, зимой — расчищать снег, пилить и колоть дрова.

Алексеев знал ситуацию. Местные не хотят за копейки вкалывать в грязи, и приезжие занимают свободную нишу.

— Знакомая история, — вклинился он в паузу. — Если убрать детали, то мы похожи. Я тоже не здешний.

Откровенность так и распирала. Он рассказал о своей жизни в Ачинске, о знакомстве с женой, о дочери и об их миграции в столицу. — Выборы... — Алексеев подался вперед, кровь прилила к его щекам. — К выборам в Москве крутятся большие деньги. Всегда найдется где пристроиться консультантам, политехнологам, копирайтерам... Крошек с обеденного стола всегда можно собирать. На домик в деревне хватит. — Он показал на свой особняк.

Сардо часто кивал, словно понимал, о чем речь. Алексеев вдруг подумал о своем нерожденном сыне. Если бы судьба распорядилась иначе, тот мог бы сейчас сидеть на месте таджика. Вернулся, к примеру, из длительной заграничной командировки или из заключения — чем черт не шутит, и вот два родственника беседуют после долгой разлуки. И Анюта могла бы рядом сидеть...

— Работать пора, — прервал его мысли Сардо.

Алексеев поджал губы. И правда, чего это он замечтался? Солнце уже перевалило через зенит, обеденная жара уходила. Сардо уже почти закончил снимать штукатурку с цоколя, можно грунтовать, только труха на земле мешает.

Убрал со стола, Алексеев пошел подметать. Шаркал полипропиленовым веником по бетонным отмосткам, а сам блуждал мыслями в прошлом. Вспомнилась их с Анютой последняя поездка в парк Горького. Ей тогда было семь. Встали рано, чтобы до пробок успеть. Мать не будили, ей нездоровилось. Позавтракали вдвоем и поехали. Оттянулись по полной на аттракционах. В тир четыре раза заходили. Попытались выиграть плюшевого медведя, но им достались два воздушных шара, заполненные гелием. Анюта отпустила их на вершине колеса обозрения. Те рванулись в чистое от облаков небо, закрутились друг вокруг друга. Ветер подхватил их, понес все выше и выше, пока не растворил в синеве... Обедали в итальянском ресторане пиццей и ризотто. Вернулись домой уже в темноте — уставшие, но довольные.

После этой поездки все пошло наперекосяк. Алексеев сменил работу на более денежную. Задерживался допоздна, брал сверхурочные, мотался в командировки. Все ради строительства загородного особняка. Дочку не видел неделями, и постепенно между ними как будто выросла стеклянная стена. Вроде общаются, но голос едва слышен: «А?.. Что?.. Не слышно...» Лучше помолчать.

На станции протяжно загудел поезд. Алексеев высыпал мусор в строительный мешок и вернулся в кресло. Вжался в кожаную обивку и просидел несколько часов в полудреме, размышляя о своей судьбе. Если бы он, к приме-

ру, не перебрался из Ачинска в Москву, как бы все сложилось? Одно время ему нравилось представлять себя кем-то другим. Более мудрым, решительным и смелым. Или попаданцем в собственное прошлое, избегающим сделанных ошибок. Получалась ролевая игра, своеобразная психотерапия, приносящая облегчение. Потом неминуемо наступало похмелье со стыдом за убитое на бесплодные фантазии время.

Вот и теперь потянуло на мечты о другой, не случившейся жизни, но рядом уже маячили досада и раскаяние, как после мастурбации. Лучше хоть что-то сделать реальное. Алексеев чертыхнулся, вскочил, озираясь, тряхнул головой и зашагал в подсобку.

Ржавый секатор нашелся под грудой садового инвентаря. Шершавые ручки неприятно терли ладони, но Алексеев не обратил на это внимания. Он подошел к стене дома и принялся срезать плющ. Работа оказалась сложной, инструмент то и дело заедал, кожа на ладонях стерлась в кровь.

Алексеев бросил секатор на землю. Шипя от боли, промыл саднящие раны, забинтовал и, не попрощавшись с Сардо, пошел спать. Зуд в ладонях не давал уснуть, Алексеев ворочался всю ночь. Задремал лишь когда на станции просигналила первая электричка.

Наутро Сардо взялся штукатурить. Клал жирный слой раствора, приклеивал сверху зеленую серпянку и наносил второй слой. Тщательно выравнивал. Алексеев чувствовал себя разбитым, виски болели, сердце то и дело срывалось на галоп. Выпил обезболивающее, бесцельно побродил по участку и пошел готовить на обед макароны. Благо в холодильнике еще оставалось масло и кусок сыра.

Ели молча. Алексеев не смотрел на таджика, борясь с невесть откуда взявшимся раздражением. К вечеру работа по цоколю должна закончиться, но это не радовало. Напротив, что-то противно саднило в груди.

Как стемнело, приехал старший брат Сардо на старой «копейке» со ржавыми понизу дверцами. Крепкий и коренастый, он совсем не походил на младшего. Молча и деловито загрузил в багажник и на заднее сиденье мешки с мусором. Алексеев вытащил старую разбитую

тумбочку и пару сломанных стульев в придачу: все равно на помойку едет.

— Ну все! — Сардо положил и выровнял последний мазок. — Месяц сохнуть будет. Потом шкуркой потереть и покрасить.

Алексеев пошел в дом за деньгами, но не нашел купюры на привычном месте под клеенкой буфета. Озадаченно потер шетину и вспомнил, что положил остаток банковской пачки на полку между книгами.

Сардо уже переоделся и ждал. Вокруг уличного фонаря кружили мошки, отчаянно билась в стекло ослепленная ночная бабочка. Алексеев засуетился, перепутал карман с деньгами и полез в другой, но не удержал в забинтованных ладонях купюры, и они рассыпались по полу.

Сардо помог собрать, пересчитал и кивнул:

— Все верно, хозяин!

Алексеев скривился:

— Какой я тебе хозяин?!

— Вот. — Сардо улыбнулся. — Этого дома хозяин.

— Да уж! — махнул на него Алексеев, а сам подумал, что ведь это правда. Дачный особняк — единственное место, где он хозяйничает по праву. На работе всегда кому-то подчинялся. Занимался добычей денег, проталкиванием во власть посредственностей, но не создавал ничего реального. А дом — это настоящий вещественный результат. То, что можно потрогать руками и оставить после себя.

Алексеев шагнул к Сардо, хотел обнять, но удержался и хлопнул по плечу:

— Увидимся!

Развернулся и побрел к двери, сглотнув подкатившую к горлу горечь. Он прошелся по комнатам, включил телевизор, но смотреть, как всегда, было нечего. Алексеев плюхнулся в одежду на кровать и достал из-под подушки начатый намедни советский детективчик.

С чтением снова не заладилось. Молодой участковый нашел труп заведующего складом и познакомился с хорошенькой, но строгой библиотечаршей. Алексеев с трудом продирался сквозь текст, раз за разом возвращаясь к началу прочитанной строки. Наконец не выдержал и отшвырнул книгу. Потрепанный томик скользнул по покрывалу и шлепнулся на

пол. Время подбиралось к полуночи. Алексеев, кряхтя, поднялся и побрел на кухню за снотворным. По дороге задержался у окна. Показалось, что в темноте на лужайке мелькнуло голубое детское платьице.

Проснулся он поздно. Сквозь щели в шторах пробивался яркий солнечный свет. За окном остервенело лаяли соседские собаки. Алексеев приподнялся на локте и поморщился от спазма в затылке. Голову словно зажали в тисках. Желудок ныл, требуя таблеток. К привычной боли снова добавилась колючая резь.

Есть не хотелось, но ради лекарства пришлось запихнуть в себя тарелку овсянки. Алексеев достал с книжной полки оставшуюся наличность, пересчитал и хмыкнул: до пенсии две недели. Вполне можно протянуть на гречке, запасенной впрок со спичками и солью. Деньги нужны для другого дела. Он погладил чистую рубашку, навел на брюках стрелки и протер влажной тряпкой туфли. Взял паспорт и, предусмотрительно нахлобучив кепку, вышел из дома.

На улице, как и в прошлый раз, жарило солнце. Алексеев взмок, пока добрался до остановки, и пожалел, что надел туфли, а не разношенные босоножки. В райцентре вышел из автобуса возле универсама. В торец стеклянно-бетонной коробки затесалась деревянная дверь с веером аляповатых табличек турагентств, юристов и оптовиков.

Обшитый вагонкой коридор привел к дверям офиса с позолоченной табличкой: «Нотариус». В комнатенке квадратов на десять тучная женщина неопределенного возраста с плоским бульдожьим лицом развалилась в кожаном кресле за письменным столом. Хватка у нее оказалась под стать внешности. Выслушав Алексеева, она взяла его паспорт, открыла в компьютере файл с бланком и застучала по клавиатуре.

— На кого оформляем? — посмотрела на Алексеева.

— Вот... — Он протянул телефон с открытым фото паспорта Сардо.

— Уверены? — бульдожка подняла брови.

— Да, — отрезал Алексеев, давая понять, что не намерен изливать душу.

— Степень родства? — Нотариус отвернулась к монитору.

— Никакой, — пожал плечами Алексеев.

Женщина сосредоточенно застучала по клавишам. Через минуту загудел принтер, и из него вылезли два бланка завещания.

Бульдожка подхватила их и протянула Алексеву:

— Проверьте и распишитесь.

Он прочел текст и поставил подписи. Нотариус отточенным движением вписала номер, шлепнула печати и штампы. Один бланк остался лежать перед Алексеевым, второй бульдожка забрала себе.

— Еще здесь распишитесь. — Она придвинула раскрытый «гроссбух», указывая на ячейку, помеченную галочкой. — Сумма к оплате обозначена рядом.

Алексеев расписался, где велели, пошарил в кармане и бросил на стол купюру. Казалось, он участвует в ритуале, в котором каждому давно приелась его роль. Лишь бы отработать и разойтись по домам. Ни суеты, ни волнения. В желудке снова проснулась тупая боль. Завещание Алексеев сложил пополам и сунул в карман. Поднялся, хотел попрощаться, но бульдожка уже отвернулась, утратив интерес к посетителю.

Он вышел из офиса с ощущением внезапной легкости, будто развязал мучивший его тугой узел. Сделал пару шагов по скрипучему полу и схватился за стену. В желудке проснулся и заворочался давний еж, протыкая иголками воспаленные ткани. Прижав ладонь к животу, Алексеев засеменил к выходу. Ноги едва слушались, на лбу выступила испарина. Коридор вытягивался и извивался змеиным чревом, не желающим выпускать заглоченную добычу.

Наконец Алексеев толкнул дверь и вывалился на улицу — взмокший, глотая пыльный уличный воздух. В желудке бушевало пламя, в висках гудела кровь. Алексеев едва добрал до остановки. Постоял минут пять, мысленно подзывая автобус: «Давай уже! Давай!» Но тот не появлялся: то ли переезд закрыли, то ли авария, поломка...

Солнце пекло нестерпимо. Хотелось в тень, на воздух, в прохладу. На другой стороне дороги тянулся редкий лесок, рассеченный просекой с торчащими исполинскими вышками ЛЭП. Алексеев сошел с тротуара. По ушам

ударили резкие автомобильные гудки и визг покрышек, но он не обратил на них внимания. Словно сомнамбула, пересек асфальт и шагнул в заросли осоки, оказавшейся выше пояса.

В желудке снова резануло. Алексеев зашел в зеленую травяную гущу метров на пять, плюхнулся на колени и завалился на бок, скрючившись, как эмбрион в материнской утробе. Гул дороги стих, над головой настырно жужжал потревоженный шмель. Пахло цветами и прелой землей. Алексеев сгреб в охапку склонившиеся над ним стебли. Казалось, если он напирается густым травяным ароматом, то боль растворится в нем и отпустит. Земля качнулась. Алексеева закружило, словно на карусели, и резко бросило вниз, в темноту, навстречу гулу голосов, стуку колес и гудкам тепловозов на Киевском вокзале.

Алексеев пробирался сквозь толпу, задыхаясь от давки и спертого воздуха. Впереди метрах в пятидесяти тянулась прерывистая линия вагонов. Двери открыты, пассажиры гуськом взбираются на подножки, в руках объемные сумки и чемоданы. Состав вот-вот отправится, а толпа едва движется. Алексеев в отчаянии дернулся, но тут же уткнулся в крепкие спины впереди идущих.

Людской поток, медленно покачиваясь в ритуальном танце, обогнул круглую металличе-

скую опору с шуршащим табло расписания. Среди серых плащей и курток промелькнула голубая искра детского платяца.

— Анята! — что было силы крикнул Алексеев, но голос его прозвучал глухо, точно сквозь вату.

Из-за спин показалась малышка лет пяти со светлыми вьющимися локонами. В руках она сжимала тряпичную куклу.

— Пап! — звонко крикнула девочка. — Идем! Она развернулась и побежала к поезду. Людская масса перед ней расплзлась, как плесень от кислоты. Алексеев облегченно выдохнул и поспешил вслед за дочерью.

□

Владимир Евгеньевич ЧЕРНЯВСКИЙ

родился в 1974 году в г. Укмерге ЛитССР.

Прозаик. Публиковался в журналах «Юность», «Север»,

«Байкал», «Аврора», «Южный Урал» и др.

Лауреат премии «Рукопись года»

издательства «Астрель-СПб» за роман «Телефонист»,

финалист премий «Электронная буква»

и «Новые горизонты».

Живет в г. Москве.

